

Федор ДРУЖИНИН

О Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче

2006 год навечно отмечен 100-летием Шостаковича, первым столетием великого композитора и великого гражданина.

Современники и грядущие поколения познают Россию XX века не через учебники истории, а через музыку Шостаковича. От страницы к странице по его произведениям можно проследить все вехи нашей многострадальной страны. Его тонкая и чувствительная душа отражала не только такие события как войны, перевороты, репрессии, но и тончайшие нюансы истории и человеческих судеб. «Большинство моих симфоний — надгробные памятники. Слишком много у нас людей погибло неизвестно где. И никто не знает, где они похоронены. Даже близкие не знают», — писал Дмитрий Дмитриевич. «...Я готов написать сочинение о каждом из погибших. Но это невозможно. Поэтому я посвящаю им всю свою музыку».

Его критиковали, оскорбляли, даже травили, поучали — какую музыку нужно писать, какую нет. В конце концов, его лишили права преподавать композицию в Московской и Ленинградской консерваториях. И, тем не менее, Шостакович все это пережил. Он имел все возможности покинуть нашу страну и жить в довольстве, в удобстве, в сытости. Любая страна с распростертыми объятиями приняла бы Дмитрия Дмитриевича. Но Шостакович дышал, страдал, голодал вместе со своей страной, и мысль оставить свою родину не посещала его.

Когда бетховенцы репетировали у Дмитрия Дмитриевича дома квартет № 11 памяти Василия Петровича Ширинского, он остался доволен исполнением и сказал: «Давайте, друзья, отобедаем вместе и помянем Василия Петровича». Так и сделали. Эта встреча состоялась вскоре после похорон Анны Андреевны Ахматовой. Дмитрий Дмитриевич захотел произнести еще один тост, он встал, поднял рюмку и сказал: «Ахматова — королева русской поэзии! Пушкин, Тютчев, Блок и Ахматова — вот ее столбовая дорога».

Говорить и описывать словами музыку — занятие трудное и бессмысленное, лишь поэзия, родная сестра музыки (ибо источник у них один), в силах прикоснуться к тайне звукового образа. В своих стихах Анна Ахматова одной строкой сказала о музыке Шостаковича так, как может сказать только поэт: «...и будто все цветы заговорили», — лаконично, неожиданно и прекрасно.

Недаром приходят на память стихи Ахматовой, написанные в год так называемой Великой Октябрьской революции, когда люди бежали из нашей страны. Настоящая же революция началась позже, в 1919 — 1921 годах,

в годы голода и разрухи, когда миллионы невинных людей утопали в крови, когда взрывались церкви, истреблялось духовенство, русское крестьянство, интеллигенция, когда в восемнадцати губерниях России был отмечен каннибализм. Но большевикам так и не удалось истребить и уничтожить русскую душу.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

А.А. Ахматова, 1917

Дмитрий Дмитриевич мог бы подписаться под этим стихотворением.

Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как угас этот великий человек, но, как от горящей звезды, свет и тепло Дмитрия Шостаковича в течение многих веков будут освещать и согревать сердца людей.

А в жизни Дмитрий Дмитриевич был таким скромным, деликатным, внимательным к людям. Вспоминается один эпизод его жизни, свидетелем которого, как мне кажется, был один я. В 1950-е годы в Москву приехал английский королевский оркестр. В программе его выступления значилась Первая симфония Шостаковича. Услышав звуки этой симфонии из Большого зала Консерватории, я зашел в зал, это было ранним утром, послушать репетицию. Насколько я помню, дирижировал сэръ Джон Барбиролли. Репетиция шла гладко, я сидел в 1-м амфитеатре и наслаждался музыкой. В оркестровке Первой симфонии есть фортепиано. И вдруг пианист вступил не там, за ним посыпались духовые, затем скрипки, и слаженная машина английского оркестра стала расползаться. Я посмотрел вниз и увидел, что с правой стороны появилась фигура человека среднего роста, в синем костюме, в очках, с характерным хохолком на затылке. Он тихо прошел в зал и сел недалеко от директорской ложи в партере.

Дирижер положил палочку. Из группы первых скрипок встал какой-то музыкант, который на русском языке, с небольшим акцентом, стал говорить, что для них огромная честь присутствие автора, и что ошибки вызваны волнением от его появления на репетиции. Он оправдывался, что симфония

готова, обыграна, и что они никак не хотели волновать Дмитрия Дмитриевича. Смущенный Дмитрий Дмитриевич отмахивался от этих слов, всячески показывая музыкантам, чтобы они занимались своим делом, и пересел по-дальше вглубь зала.

В этот момент я стал свидетелем удивительной сцены. Оркестранты и все, кто находился на эстраде, вдруг поднялись и безмолвно приветствовали Дмитрия Дмитриевича. Это была немая овация. Создалось впечатление, что в зал вошел Моцарт или Бетховен, и стало понятно, почему оркестр «рассыпался» во время репетиции. Я подумал тогда: это и есть настоящее признание. А Дмитрий Дмитриевич подошел к дирижеру, что-то тихо сказал ему, и репетиция продолжалась. Он лишь изредка делал маленькие замечания иногда по темпу, иногда по нюансам.

Мне только хочется сказать Вам: Дорогой Дмитрий Дмитриевич! Родина не только слышит и знает, она помнит все, что Вы сделали для ее славы. До тех пор, пока существует музыкальное искусство, имя Ваше не будет забыто. Я закончу Вашей молитвенной песней:

Родина слышит,
Родина знает,
Где ее сын в облаках пролетает...

Лариса КРЫЛОВА

Чтобы тебе доверяли

Однажды Шостакович сказал: «Важнее слов — то, что стоит за словами. Всеобщее ощущение, музыка». Сказано это было в связи с Шекспиром. Но звучит так, будто великий музыкант говорит о себе самом.

2006-й год ЮНЕСКО объявило годом DSCN (весь мир знает сегодня монограмму композитора). Мы вспоминаем и помним о нем по-разному: кто-то исполняет его симфонии, ставит оперы и балеты, кто-то публикует монографии о его творчестве. А кто-то сидит в концертном зале, читает новые публикации или слушает диски с музыкой Шостаковича.

Порой удаются удивительные вещи, а именно — вспомнить великого человека так, как будто он сидит вместе с нами за дружеским столом. Для